

БАШНЯ

ФАНТАСТИКА

Когда спрашивали, почему я стал астронавтом, то мой ответ всегда был таким: «Меня позвал внутренний голос, или зов Вселенной». Правда, с детства я мечтал быть врачом и космос не вызывал у меня никаких эмоций, но когда мне исполнилось пятнадцать лет, я услышал зов Вселенной.

— Оставь все земное на земле и иди в космос, — звал голос. Он был хрипловат, надтреснут и походил на старческий.

— Но я не люблю космос. Хочу стать врачом и лечить людей.

— Зато космос любит тебя и хочет тебя. Иди же!..

Первое время я слышал голос только по ночам, во сне, но вскоре он явно осмелел, окреп и стал убеждать меня даже днем. И чем больше я сопротивлялся, тем настойчивее. Странно же я выглядел в глазах окружающих, когда ни с того ни сего вдруг начинал с кем-то отчаянно спорить!

Потом, уже в период учебы в медицинском колледже, голос не давал мне сосредоточиться, постоянно что-то нашептывая о космосе. Дальше — хуже: после того как я, уже на практике, прописал больной вместо транквилизатора лошадиную дозу спирта, меня отчислили за преступную халатность.

А голос не унимался. Он по-прежнему надтреснуто вещал, да так, что по ночам мне стали сниться восхитительные сны про космос. Воображение разгоралось, захватывало дух. Голос открывал мне такие тайны, что вскоре я стал, думается, одним из лучших знатоков космоса, хотя ни разу, пусть в качестве пассажира, не побывал даже на орбитальном корабле.

Поэтому не стоит и говорить о том, что после позорного изгнания из медицинского колледжа меня «на ура» приняли в самую престижную Школу астронавтов на отделение дальних полетов. Как я там учился? Это нельзя назвать учебой в прямом смысле слова: я просто слушал наставления голоса, который щедро передавал мне знания о космосе, а если и возникала некая учебная проблема, то всегда было к кому обратиться — к голосу.

И вот результат: блестяще сдав выпускные экзамены, я получил диплом с отличием и звание капитана высшего класса. Меня хотели назначить на самую престижную и весьма перспективную дипломатическую трассу Земля — Проктор-Гэмбл, но голос велел мне отклонить это предложение. Что я и сделал, хотя и терялся в догадках — почему.

Каков же был мой ужас, когда голос наконец сообщил мне, куда я должен лететь. Колония-303. А это — двадцать лет туда и двадцать лет обратно, пожизненное заключение в летающем гробу!.. Я протестовал, умолял пощадить меня хотя бы ради моей старушки бабушки, но голос оставался непреклонен.

Вот наш очередной диалог:

— Ты должен лететь в Колонию-303!

— Но ведь это же самоубийство!

— Все наоборот. Прозябание на Земле — вот смерть, а космос дает жизнь...

Мой наставник по Школе астронавтов явно опешил, когда узнал о решении своего лучшего выпускника. А вот компания, которой до того никак не удавалось найти человека на эту вакансию, моментально оформила все документы, и я отправился в путь с грузом для Колонии-303.

Как описать череду однообразных дней, настолько неразличимых между собой, что я потерял счет суткам? Это было похоже на бесконечный временной туннель, в самом конце которого мерцала тусклая звездочка — Колония-303.

Но самым ужасным оказалось то, что вскоре после моего старта голос замолчал. Чудовищно! Ну как тут не почувствовать себя идиотом! Разве я по своей воле полетел бы на эту трижды проклятую Колонию-303? Да ни за что на свете! Больше всего я хотел бы остаться на Земле и лечить людей. Но этот подлый голос заманил меня в космос. Зачем? Чтобы посмеяться надо мной?

Голос вновь заговорил со мной на полпути между Землей и Колонией-303. Я обрадовался и испугался одновременно. Потому что он вдруг потребовал изменить курс корабля.

— Но ведь ты сам послал меня на Колонию! — возмутился я.

— Да, но лишь для того, чтобы ты привык к одиночеству и величию космоса. Твоя жизнь будет посвящена более высокой миссии, чем доставка груза на Колонию-303.

— И куда я должен теперь лететь?

— Никуда. Планета перед тобой...

Я совершил посадку на эту, вдруг вынырнувшую из небытия, планету. И сразу — чудо: зеленая долина, окруженная зубцами гор, вся в ярком свете солнца, а поодаль, минутах в десяти ходьбы от моего корабля, — каменная башня с круглым зарешеченным оконцем и дверью, окованной металлом.

Пока я шел к башне, длинная тень от нее переместилась на соседнюю гору. Всего же гор было двадцать четыре, и это напомнило мне старинные солнечные часы, которые я видел еще на Земле.

Дверь в башню выросла в грунт на две ступени. Похоже, этой башне не менее двухсот лет, подумалось мне. Если бы я знал, как ошибся!

Винтовая лестница из отшлифованного камня. Факелы на стенах... Я медленно поднимался — оборот за оборотом, факел за факелом. Всего я насчитал их двадцать четыре... Гулкое эхо моих шагов.

Наконец лестница привела к круглой площадке. Дубовая дверь. За ней, скорее всего, и находилась та самая комната с зарешеченным оконцем, которое я увидел еще из долины.

Я встал перед этой дверью, раздумывая, постучать или нет. Странное предчувствие: может быть, там, за дверью, всё иное и откуда нет возврата?

Я решился. Постучал.

— Входи, — прозвучал из комнаты давно знакомый голос.

Надо было приложить немалые усилия, чтобы приоткрыть эту дверь. Петли спели натужную ржавую песню. А потом, уже оказавшись в комнате, я зажмурился от яркого света, бьющего в окно. Но вскоре попривык и осмотрелся.

Просторная комната в форме полукруга с высоким сводчатым потолком; вдоль стен — массивные дубовые шкафы, наполненные фолиантами в кожаных переплетках; справа — еще один шкаф, но со стеклянными дверцами, сквозь которые поблескивали всяческие колбы и пробирки; под зарешеченным окном — большой овальный стол с резными ножками в инкрустациях. Что еще? На столе в беспорядке разложены всевозможные инструменты и приборы, о назначении которых я мог только догадываться. Среди них, впрочем, выделялся внушительных размеров микроскоп: он был поставлен так, что свет из окна падал прямо на предметное стекло, на котором, впрочем, пока ничего не было. И наконец, главное: справа от стола, в кресле с высокой резной спинкой, слегка развернувшись к камину, сидел тот, чей голос тревожил и звал меня всю мою жизнь. Да, старик, весь седой, но с необыкновенно живыми глазами. Эти глаза с интересом следили за мной, а сам старик, судя по колыханию бороды, еле сдерживал смех.

— Так, значит, это вы позвали меня через такие дальние дали? — проговорил я, осмелев. Наверное, то, что переполняло меня, можно было назвать смесью ярости и жгучего любопытства.

И тут комнату коротко наполнил до боли знакомый, скрипучий и немного гнусавый голос:

— Да, я.

— Но зачем?

— Затем, чтобы показать тебе кое-что, — невозмутимо отвечал хозяин башни.

— Да что я могу увидеть здесь такого, что вознаградило бы меня за все страдания, которые вы мне причинили? Разбитая жизнь! Я хотел стать врачом, а вы сделали из меня астронавта. Я люблю Землю, а вы затащили меня в космос. Зачем?

— Скоро ты все узнаешь. Но сначала не мешало бы нам выпить по чашечке кофе. За встречу.

Старик откуда-то достал спиртовку и кофейник, и вскоре комнату наполнил чудесный аромат.

— Кстати, — кивнул он, — кофе и посуда находятся вот в этом шкафчике под столом.

— Да зачем мне знать, где вы храните свой кофе? — сказал я раздраженно, но не получил ответа.

Однако после двух чашечек великолепного кофе мое настроение улучшилось.

— Ладно. Так что вы хотели мне показать? Пожалуй, я взгляну, раз уж вы заманили меня сюда. Но предупреждаю: у меня мало времени — мне пора в путь.

— В путь? — Борода старика усмешливо дернулась. — Ты полагаешь, что путь — это нечто далекое. А не размышляла ты над тем, что иногда путь уже в твоих руках?

— У меня нет желания вникать в ваши силлогизмы! —

заявил я и демонстративно посмотрел на часы, висевшие над дверью. Кстати, теперь я их хорошо разглядел. Часы были украшены аллегорическими фигурами из бронзы; жемчужный циферблат поделен на двадцать четыре части, отмеченные золотистыми римскими цифрами. Если верить этим часам, то до полудня оставался ровно час.

— Да, у нас ровно один час вечности, — подтвердил старик, проследив за моим взглядом. — Вполне достаточно, чтобы все успеть посмотреть.

И тут хозяин башни, ловким движением руки откуда-то извлек хрустальный ларец, а из ларца — нечто совершенно необыкновенное; я бы назвал это магическим шаром многих измерений. В бесконечной глубине шара мерцали мириады огней, и мне показалось, что в нем заключена вся энергия Вселенной, а заодно с ней пространство и время.

— Что это? — прошептал я, принимая шар себе на ладонь; он был приятно тепел и тяжел.

— Тебе нравится? — улыбнулся старик, он же хозяин башни, он же обладатель шара.

Что оставалось? Сказать правду:

— Никогда не видел ничего подобного!

— Это можно увидеть только здесь, в этой башне. Теперь это твое. Я передаю его тебе. — Старик положил шар под микроскоп и жестом пригласил меня к окуляру.

Я ошибся, потому что немудрено было ошибиться.

— Какая прекрасная модель Вселенной!

— Нет, не модель. Это — сама Вселенная, — торжественно ответил хозяин башни. Он покрутил винт микроскопа, и в светлом сумраке возникла голубая планета — Земля. Еще один поворот, и я увидел лица моих друзей и родных, скорбящих о моей гибели; еще поворот, и вот я сам, склонившийся над микроскопом, а за моей спиной — хозяин башни. Он навел резкость, и мне открылось мое собственное, исполненное смятением, сердце.

— Это сама Вселенная, — медленно и отчетливо повторил ее владелец.

— А что же тогда снаружи? — удивился я.

— А там только дождь, и ничего, кроме дождя, — с тихой печалью произнес хозяин.

Я посмотрел в окно: там действительно шел дождь. Перламутровая стена дождя, толщину которой невозможно было измерить.

— Кто вы? Бог? — спросил я после долгого молчания.

Из-за дождя в комнате потемнело, и старик зажег восковую свечу в серебряном подсвечнике.

— Разумеется, нет, — прозвучало в ответ. — Бог есть творец. А какой из меня творец? Я всего лишь созерцатель, наблюдатель Вселенной. Правда, иногда я вмешиваюсь в ее внутреннюю жизнь... Обрати внимание на эту большую красную звезду. — Я вновь склонился над микроскопом. — Эта звезда скоро погаснет, и тогда погибнут миллиарды душ, обитающих на зависимых от нее планетах. Но я беру серебряную трубочку и насыщаю эту звезду необходимым количеством энергетического вещества. Пройдет время, и астрономы на Земле зафиксируют рождение сверхновой... Как ты заметил, вещества и элементы хранятся в стеклянном шкафу, а инструменты найдешь на столе.

К этому моменту я несколько пришел в себя.

— Зачем вы рассказываете мне все это? Я глубоко признателен вам за то, что вы мне показали. Да, взгляд на

Вселенную со стороны стоит того, чтобы провести в космосе всю жизнь, но, поверьте, мне уже пора.

— Но ты еще не посмотрел мои книги! — поднял руку хозяин. — Таких книг не найти ни в одной библиотеке мира. В них — квинтэссенция знаний о Вселенной. Эти знания накоплены моими предшественниками и мной путем созерцания. Вот этот том, — старик снял с полки тяжелый фолиант с золотым окладом, — заполнен лишь наполовину, и ты сможешь продолжить отсюда, вот с этого листа, куда я вложил шелковую ленточку.

Но я стоял на своем:

— Нет, ничего не хочу продолжать! У меня мало времени.

И тут хозяин башни озабоченно взглянул на часы над дверью. Я тоже. Было уже без четверти.

— Ты думаешь, — спросил он, не в пример мне спокойно, — эти часы показывают время? Нет. Однако время, заключенное в шаре, что под микроскопом, следует часам вечности. Да, этим часам. — Старик кивнул в сторону двери. — Моя вечность скоро закончится, но начнется твоя вечность... А теперь прошу прощения: мне нужно удалиться. Надеюсь, тебе не будет в тягость твое недолгое одиночество.

Конечно, мне не удалось задержать его: дубовая дверь хлопнулась перед самым моим носом. С трудом открыв ее, я сбежал вниз по винтовой лестнице и вышел из башни. Старика нигде не было. Шел дождь. Я отправился на поиски своего корабля, но в глубине души уже знал, что все мои попытки выбраться отсюда бесплодны, а то и, кто знает, вредны.

Сколько длилось это блуждание, теперь не вспомнить. Потом сквозь плотную завесу дождя я различил красноватое мерцание круглого окна. Башня! Меня потянуло туда: согреться у камина, выпить кофе, полистать манускрипты и, самое главное, еще раз заглянуть в шар. Усталый, вымокший и продрогший, я теперь мечал именно об этом.

Так и вышло. Обе стрелки часов были направлены вверх, строго вертикально, и это, несомненно, обозначало первое мгновение моей вечности.

Я сварил на спиртовке кофе и удобно расположился в кресле с высокой спинкой, рядышком с камином, куда перед тем подбросил поленьев. Затем наконец сделал глоток горячего пахучего напитка и наугад раскрыл фолиант, оставленный хозяином башни на столе среди инструментов.

«Esse bonum suprenium est» — сразу бросилась в глаза строка по-латыни. Что означало: «Бытие есть высшее благо».

Я перелистнул несколько страниц и наткнулся на другую, столь же странную фразу, начертанную готикой: «Non esse autem magis bonum est» («Небытие, однако, есть большее благо»).

Это меня весьма заинтересовало. Между страницами фолианта я нашел красную шелковую ленточку, которой упомянул бывший хозяин, и, сделав еще один глоток кофе, вывел следующую запись на девственно чистом листе: «Esse et non esse non bonum et non malum est», то есть «Бытие и небытие — это не благо и не зло».

Так я начал. А потом, согревшись, решил посмотреть другие книги в шкафу. Их названия оказались весьма любопытными: «Детальное описание инструментов и приборов для наблюдения и опытов над Вселенной», «Научное изложение основных принципов мироздания, творения и сотворения», «Полный перечень и подробное описание

ФАНТАСТИКА

обитаемых миров с живыми картинками», «Поэма о Вселенной как о зеркале, в коем отражается лик Божий», «Трактат о возможности существования иных объектов созерцания, помимо так называемой Вселенной», «О долге и месте Созерцателя с приложением жизнеописаний наиболее выдающихся Созерцателей», «Трактат о том, является ли время частью вечности, а башня — частью пространства», «Пространственные рассуждения о том, что увидел бы Созерцатель изнутри Вселенной, а не снаружи ее». Etc, etc, etc.

Я читал и читал, возбужденный близостью к столь странным тайнам, и переходил от книги к микроскопу и от микроскопа к следующей книге, чтобы проверить теорию созерцанием...

Часы пробили полночь. Я прикрыл веки. Странно, подумал: мне дарована вечность, которая равна земным суткам. Это много или мало? Пребывание в башне не будет для меня столь тягостным, как я полагал вначале, если истекла уже половина моей вечности. За это время я узнал о мире бесконечно много и даже записал несколько своих суждений. Однако уже вскоре и мне придется покинуть башню — уйти в дождь, снег или ветер, как ушел мой предшественник и бесчисленные Созерцатели до него.

Но сначала я должен позаботиться о своем преемнике. Да, именно так, ибо: первая половина вечности уходит на созерцание и усвоение уже накопленных знаний, затем четверть вечности — на систематизацию собственных наблюдений и записи, далее три часа — на отбор из сотен поколений преемника и воспитание его, и, наконец, недолгая личная встреча с ним, а затем, сразу — уход.

До нового полудня оставалось два часа. Я приблизил Вселенную к губам и прошептал: «Эй, избранник! Космос зовет тебя. Иди!»

Кто услышит голос из Башни?

